

Петрова Наталья

3 - 4 1

2.95

ПРОГНОЗ НА ЗВЕЗДУ

НАКОНЕЦ-ТО по телевизору показали "Любовь". Едва ли не самый известный фильм эпохи фантомного существования российского кино. Фантомная боль - это когда болит то, чего уже нет. Кино у нас, безусловно, есть, но, оказавшись оторванным от зрителя, оно живет ирреальной, призрачной жизнью. Есть фестивали, названия фильмов, имена, но нет нормальных сеансов, переполненных залов, звезд...

Вот о звездах-то и речь. "Любовь" зажгла сразу четыре имени, которые при нормальной жизни кино были бы знакомы каждому. Четверо блестящих молодых актеров, каждый из которых талантлив, красив, ослепителен. И - сногшибательно безвестен.

Наталья Петрова - одна из этой четверки. Родом из Харькова. Окончила Щукинское училище, снялась в добром десятке фильмов, в том числе у В. Наумова, А. Прошкина, В. Лонского, Н. Тягунова. Но звездным часом ее, безусловно, стала "Любовь" Валерия Тодоровского, где она сыграла еврейскую девочку. И это при том, что шумная, говорливая Наташа на свою молчаливую героиню не похожа совершенно...

После "Любви" она как-то надолго исчезла из поля зрения. Время от времени появлялась изредка на тусовках, загадочно улыбалась, намекая на некие новые невероятные проекты, появившиеся после Каннского фестиваля. Дело в том, что "Любовь" так понравилась в Канне, что фотография Натальи Петровой попала во всемирный актерский каталог.

Ну а потом она исчезла совсем. На целый год. Появилась перед Новым годом внезапно, неожиданно, коротко, сроком всего на одно это чуть сумбурное и немножко сумасшедшее интервью.

Золушка вернулась на бал

Фото Рифата ЮНИСОВА

ПРОГНОЗ НА ЗВЕЗДУ

Кинозал

Золушка вернулась на бал

..... Там, за океаном

- Итак, Наташа, куда ты пропала с российского киногоризонта?

- Да куда я не пропала. Я вместе. Я с нами. Просто на какое-то время уехала учиться, и если все сложится замечательно, если меня не выгонят, если доучусь до конца, то буду там сниматься...

- Давай все-таки расшифруем это слово "там".

- Там - это в Соединенных Штатах Америки. В частной театральной школе замечательного менеджера Джеффа Шапира. Я беру уроки по технике, по искусству, изучаю английский язык, а с нового семестра будут заниматься и моим имиджем... Ничего сказочного - идет вполне прозаическая, грубая работа. С десяти утра до двенадцати ночи.

- По твоей интонации мне показалось, что тебе надоело отвечать на вопросы об Америке.

- Никому ничего стараюсь не рассказывать просто потому, что боюсь слезить. Не хочу оказаться в роли человека, который много болтает, а потом оказывается пустословом: Все спрашивают, где ты учишься, в скольких фильмах снялась... "Ребята" - говорю я, - спросите лучше, в каком количестве фильмов я снялась здесь. У каких замечательных режиссеров". Я сама расскажу обо всем, когда все состоится. Не хочу до поры до времени совать фотографии с Де Ниро или Аль Пачино и приговаривать: "Посмотрите, это я!".

- А они есть?

- Саша, не лови меня на слове...

- Ладно. Каковы твои перспективы после окончания этой школы? Каковы вообще реальные перспективы русской актрисы в Америке?

- Единственный плюс - то, что мной кто-то там занимается. Стоит сказать еще вот что. Даже если у меня ничего не получится (хотя я верю, что получится), я вернусь сюда бойцом и профессионалом, которому будут не страшны огонь, вода и медные трубы. Понимаю, что сделаю сейчас заявление достаточно наглое для своего возраста: я хочу снять фильм. Чувствую - после Америки, - что могу это сделать...

..... Ротик на замочек

- Ты сказала, что сейчас будут заниматься твоим имиджем. Они что - и внешность твою собираются заново создавать? Менять?

- Сейчас, в ближайшем семестре, будем заниматься фигурой, гримом, тридцатыми, сороковыми, пятидесятыми годами. Прическа, умение говорить - все-все-все. Если быть до конца откровенной, я себя там почувствовала куклой. Неким существом, в которое постоянно тычут.

- Ну а если это не будет соответствовать твоему представлению о самой себе?

- Плевать! Это никого не интересует. Меня никто не спрашивает. Каждый должен заниматься своим делом. Есть стилист - это его, а не моя работа. С другой стороны, если они поймут, что не смогут вложенные в меня деньги получить обратно, - вышвырнут, как кошку. Был случай в ресторане, когда мне сказали: "Помолчи". Солидные, замечательные люди...

- Как же твой южный темперамент выдерживает все это?

- Вот почему мне и нравится в России больше, чем в Америке. Здесь я могу махнуть рукой: а-а, пошли скорей, айда, побежали. А там... Ротик на замочек, ножки-косопалки и - вперед.

Меня бесит, что все там, как идиоты, улыбаются с утра до ночи. Ненавидят тебя и улыбаются. Мне же сквозь зубы: "Как дела?" - "Хорошо". Постоянный смайл, который невероятно раздражает. Если тебе плохо, я хочу видеть это. Если хорошо - тем более. Вот тогда ты родной и понятный человек.

- Ну и как складывается твой обычный день?

- Очень просто. У меня маленькая квартирка с одной спальней и гостиной. Крошечная. Мне ее снимают. Все обычно. В 6 утра встаю, выпиваю стакан сока. Потом - холодный и горячий душ, физические упражнения в течение 2-3 часов. Занимаюсь в тренажерном зале. Потом - около пяти часов занятий ан-

глийским языком. Я вообще считаю, что язык необходим всем. Ну, а потом - лекции, встречи. И так до позднего вечера.

- Тебе хватает времени на то, чтобы встретиться с друзьями, просто сходить в кино?

- Я абсолютно зависимый человек. Если надо, по два-три часа жду какой-нибудь важной встречи. Ну, могу почитать на ночь какую-нибудь книжку. Особенно "Сто лет одиночества" - самую любимую...

- Тебе там не предлагали фотографироваться для журналов типа "Плейбоя"?

- Предлагали. Но в небольших, "местечковых" изданиях, которые широкой известности не имеют.

- А ты имеешь на это право?

- Я ни на что не имею права. Это тюрьма. Зона. Ничего хорошего во всем этом нет, кроме одного-единственного: это безумно престижно.

Я должна каждый день, вставая по утрам и улыбаясь, говорить себе: я смогу! я сделаю! Вот эта встреча у меня пройдет замечательно, в этом фильме я обязательно снимусь. Я себе всегда так говорю. Не всегда так получается, но, я думаю, если бы каждый человек у нас в России с утра улыбался и произносил что-нибудь подобное...

Разлучница-работа

- Наташа, ты уехала одна, надолго, а ведь здесь, в Москве, осталась семья...

- Это, действительно, очень тяжело. Раньше-то было весело и чудно, когда я уезжала на съемки, а ко мне прилетали. Сейчас стало сложно. Все сложно. Знаешь, когда раньше слышала от актрис маленькие откровения о том, что надо заниматься работой, а личной жизни никакой, я всегда смеялась и говорила, что все можно совмещать. А сейчас понимаю: надо делать выбор. Что-то должно перевесить. В данный момент в моей жизни начинает перевешивать работа.

- Кто тебя ждет дома?

- Единственный человек, который меня держит и мне помогает, - мама. "Мама, я больше не могу, я устала", - говорю я ей, и она отвечает: "Наташка, у тебя все будет замечательно, ты должна только программировать ситуацию и улыбнуться с утра..."

- Когда ты уезжаешь, дочка остается с ней?

- Да. Ей уже пять лет. Взрослая. Я пытаюсь ее брать, куда могу. Но мне очень тяжело. Я безумно ее люблю. И понимаю, что привезенными из-за океана подарками не заменю ей свою любовь. С другой стороны, может быть, лет через двадцать, она все поймет и оценит...

..... И абсолютно беспартийный финал

- Ты уже можешь делать какие-то выводы, сопоставляя Россию и Америку?

- Единственное, что я поняла в Америке, - там надо постоянно доказывать, что ты есть. Что важно много работать и меньше говорить. И никакого пафоса. Когда я сюда прилетела, пафос окутал меня с ног до головы. В ночных клубах куча актеров, все называют себя звездами, что само по себе - за гранью. Все звезды - там, а мы - дворники, рабочие, актеры - просто хорошо или плохо занимаемся своей профессией. Если я дарю кому-то радость, значит, сделала больше, чем президент со всеми своими законами.

- Скажи, когда ты сейчас на время приехала сюда, в Россию, нет ощущения, что ты Золушка, вернувшаяся с бала к мачехе?

- Если говорить о внутреннем моем состоянии, то - все наоборот. Я безумно рада этому короткому возвращению. И у меня такое состояние, что не с бала я приехала, а на бал. Потому что мне нравятся эти города, эти дома, эти улицы, нравится, как здесь снимают кино. Хотя, как снимают кино здесь и там - это две большие разницы. В Америке у актера обязательно есть стульчик, чашка чая и повар. И все-таки мне больше нравится, когда оператор ухватит матом: "Ну-ка, повернись, встань к свету, мать твою..." И ты понимаешь: все в порядке, все родное, свое...

Беседовал Александр КОЛБОВСКИЙ

Фот. - Фоссаф. прил. к. "Аргументы и факты" - 1995. - 3-42

322